

Глава VII

Вечерняя прогулка в Прутню

Поздно вечером мы встретились с Режиссером и решили прогуляться, несмотря на усталость. В июне в этих краях смеркается лишь на два-три часа. Мы вышли из санатория, прошли мимо гуляющей публики, обошли танцплощадку, откуда на всю округу разносилась однообразная мелодия, вышли за ворота и направились в сторону Прутни. Дорога здесь проходит через лес, и навстречу нам попадались небольшие группки отдыхающих. Но вскоре мы остались одни, и беседовать уже никто не мешал. Режиссер какое-то время любовался лесом, наслаждался прохладой и тишиной, затем неожиданно произнес:

– Вот бы моим артистам выбраться сюда. Походили бы по пушкинским местам, посмотрели, помолчали... Может, хоть о чем-то задумались бы. А они только орут. А чего орать-то? Я им говорю: «Поспокойнее надо работать. Вы же, говорю, не в лесу, а в театре, на сцене, вас зритель пришел послушать...» Нет! Орут и все. Хоть кол на голове теши... Они думают, что криком можно что-то объяснить или кого-то в чем-то убедить. Вообще, у нас в стране все привыкли орать... А ведь зритель просто устанет и больше не придет в театр.

Режиссер говорил тихо, спокойно, казалось, он сейчас не здесь, под Торжком, а у себя в театре, на репетиции.

– У них одно на уме, – продолжал Режиссер, – лишь бы куда-нибудь смотаться, лишь бы не работать. Мне уже вот сколько, и ничего, вкалываю, а им лишь бы дурака валять. Чуть отвернешься – они уже пляшут, скачут, визжат... За границей актеры работают, там дурака не повалешь, режиссер сразу скажет: «До свидания, господа», – и всё. А здесь у них тысяча причин, то одно, то другое, то третье... Начинаешь им высказывать – мол, «господа актеры, так же

нельзя работать!» – огрызаются, хамят, паясничают... Наверное, думают: «Вот старый дурак привязался! Хоть бы помер скорее...»

– Ну что вы говорите! – не выдержал я совершенно напрасных сетований Режиссера. – Я же знаю, как они вас любят, как на вас смотрят... Как на бога!

– Это они делают вид, что любят. Им же ничего не стоит скорчить рожу... Вообще, профессия у них тяжелая. Актерский кусок хлеба тяжело дается. И денег ни черта я им не могу платить, – неожиданно Режиссер заговорил об актерах с сочувствием. – Так, стараюсь вывозить их на гастроли куда-нибудь, подкормиться... Они ведь и спиваются от не востребоваемости. Им надо работать на сцене, а как сыграешь роль, если нет денег? Или когда жить негде? Вот они играют спектакль, а на лицах всё написано: что в жизни нелады, что денег нет... Проклятая профессия... Учителя, врачи тоже мало получают. Но от них хоть толк есть, польза людям, благодарность какая-то. А мы, ведь бог знает чем занимаемся – только развлекаем да балаганим. Раньше хоть зритель приходил в театр с каким-то трепетом, а сейчас все хозяева: заплатил деньги за билет, так подай ему то, что он хочет. Совсем другой зритель сейчас... Впрочем, может, так и должно быть.

– А вот Александр Сергеевич, тоже мучился всю жизнь, страдал... Что вы об этом думаете? – решил я перевести каким-то образом разговор.

Здесь мой Режиссер сразу же подобрел, лицо стало мягче, в глазах засветилась улыбка. Затем улыбка исчезла, ее тотчас заменил суровый, даже угрюмый взгляд, и, остановившись, он медленно низким голосом прочел:

*Нет! не могу противиться я доле
Судьбе моей: я избран, чтоб его
Остановить – не то, мы все погибли,
Мы все, жрецы, служители музыки,
Не я один с моей глухою славой...*

После прочтения Режиссер улыбнулся:

– Ему говорят, мол, Сальери не виновен, а он: *«Кто освистал “Дон Гуана”, мог отравить и его создателя»*, – и все! Удивительный тип, Александр Сергеевич, какой-то залетный ангел...

Режиссер задумчиво помолчал, сделал несколько шагов и опять остановился.

– Вот у Шекспира – родители неграмотные, дети не умели даже расписаться. Откуда же взялся Шекспир? И Пушкин! Родители ничем не примечательны, брат и сестра – тоже, дети и внуки – ни одного серьезного сочинения... Откуда взялся Пушкин? Еще кто-то сомневается, есть ли Бог. А вот его Промысел! Очевидный, наглядный. Язык дал России! Всю ее зарифмовал. А письма! Только за одни письма, только за них – он велик. Перечитайте, что он писал Наталье Николаевне, друзьям... Светлая душа. Умел радоваться жизни, каждому дню, каждому окружающему предмету. Судьба у него – ох какая непростая! Можно было запросто превратиться в какого-то брюзжащего, угрюмого и обиженного типа, а он оставался всегда светлым. Посмотрите, рядом с Пушкиным нет уныния, безнадеги, нет места мраку... Он так властвует над нашими умами и сердцами, но совсем без надрыва, ненавязчиво.

– Странно у него с Натальей. Кто-то ее ругает, обвиняет во всем, что с Пушкиным произошло...

– Он её любил – и в этом всё. Что ж тут скажешь? Сколько написал и для неё, и благодаря ей! Это же надо помнить, а чего здесь кого-то обвинять? Он ведь был натурой тонкой, очень чувствительной... да еще необычайно суеверной.

– А отчего у него такое суеверие развитое?

– Тоже не на пустом месте. Он в молодости зашел вместе со своим приятелем к гадалке, и она им предсказала насильственную смерть. Причем Пушкину – от руки «белокурого человека». Все бы ничего, наверняка бы обошлось и даже в памяти не осталось, но того приятеля-офицера закололи на следующий день... С вами такое, не приведи Господь, случись, не стали бы суеверным? Пушкин был

суеверным до смешного. И всегда боялся белокурых. Кстати, Дантес был белокур...

– У меня впечатление, что он был человеком тяжелым, в чем-то несносным. Особенно пока оставался совсем молодым, лет до тридцати. Чуть что – сразу дуэль. Даже когда был неправ. Всегда ходил с тяжелой железной палкой. Его спрашивают: «Зачем такую дубину с собой таскаешь?» – а он прямо отвечал: *«Чтобы рука была тверже, если придется стреляться»*.

– А вы знаете, как он однажды предотвратил дуэль? – спросил Режиссер.

– Свою?

– Нет, приятелей... Это было на Кавказе, в 1829 году. Там два офицера повздорили, и дело дошло до дуэли. Так получилось, что оба обратились к Пушкину с просьбой быть у них секундантом. Пушкин пытался их отговорить, а потом согласился, но у кого-нибудь одного, по жребью. Второго секунданта предложил выбрать им самим. Они согласились и через какое-то время встретились на месте дуэли. Когда они уже стали с пистолетами у барьера, Пушкин говорит: *«Начинаю считать: Раз!»* И в это время неожиданно заиграл оркестр, спрятанный в кустах, а друзья дуэлянтов выбежали с шампанским и стали между противниками. Тогда Пушкин вскричал: *«Умоляю вас именем Бога и России – помиритесь!»* И они помирились.

– Невероятно, если это правда.

– Конечно, правда. Но это надо было все так устроить, подготовить оркестр, всех уговорить, убедить. *«Именем Бога и России – помиритесь!»* А мы сейчас деремся, убиваем друг друга, стреляем, и никто не скажет так, как сказал Александр Сергеевич. А как он с Кюхельбекером стрелялся, знаете?

– Нет. Они же были друзьями...

– Ничего не знаете, а собрались писать о Пушкине... Вот и мои ничего не знают и не хотят знать. Я им говорю: «Вы хоть почитайте что-нибудь, прежде чем играть!» Надо же хоть что-то читать, в конце концов... Пушкин написал злую эпиграмму на Кюхельбекера.

Это было еще в молодости. И они решили стреляться. Кюхельбекер выстрелил первым и промахнулся, а Пушкин стрелять не стал. Говорит: *«Хватит дурачиться, пошли пить чай!»* Обнял Кюхельбекера, и они пошли домой.

Сказав это, Режиссер расхохотался.

– Все-таки чай он пил! – заметил я.

– Ну, может, чай они не пили, не это важно... Вот вам Пушкин!

Режиссер замолчал, и мы какое-то время шли, думая каждый о своем.

– А самого от дуэли никто не спас. Говорят, если бы Пушкин был рядом, то не допустил бы. Но он был в ссылке, – нарушил я молчание.

– Много чего говорят. Мы вот все замечаем, что он трудный был, «невыносимый характер»... Мы хотим, чтобы нас все устраивало... И вообще, – тут Режиссер почти разозлился, – у нас такой, как они сейчас любят говорить, «менталитет», будто нам все должны... Что за страна! Да никто нам ничего не должен! Появится талантливый художник или писатель – уже он что-то нам «должен». А каково ему с нами, со всеми, с окружающим миром?

– Кто же все-таки мог предотвратить дуэль?

– Только один человек: Наталья Николаевна, – ответил Режиссер, не задумываясь.

– Почему же не предотвратила?

– Почему не предотвратила? Тут можно гадать и многое придумывать, что и без нас давно сделали. Важнее другое: почему эта молодая и красивая женщина могла его спасти?

– У вас есть ответ?

– Ответа здесь может и не быть...

Режиссер замолчал, будто раздумывал: трогать эту тему или нет? Затем все же решил говорить.

– Известно, что когда родился Пушкин, то матери показалось, что он черный, хотя при рождении все дети немного темные. Вот ей показалось так, и она его невзлюбила. Такое бывает. Младшего любила, к дочери относилась хорошо, а к Александру никаких чувств. До трех лет он был на руках у няни и до семилетнего возраста был тихим, робким, маленьким... Родители думали, что у него не все в порядке с головой. Знаете поговорку: «В семье не без урода», – вот это такой случай. И когда на него взрослые кричали, ругали и ему было уже невмоготу, Александр Сергеевич убежал спасаться к бабушке – Марии Алексеевне. У нее была такая большая корзина, куда она складывала пряжу или вышивку, и Саша прибежал, прятался в эту корзинку и тихо сидел, смотрел на бабушку, как она работает. Представляете картину? Сидит бабушка, что-то рассказывает, а на нее смотрит эдакий маленький кудрявый мальчик. Он знал, что это его единственное убежище, а бабушка – надежная защитница.

– Позже такой защитницей для Пушкина стала няня?

– Арина Родионовна для него всем была. И другом, и учителем, и отцом с матерью. Вообще, без знания его детства нельзя понять и всего Пушкина. Он всегда будет искать себе убежище, вот эту самую «бабушкину корзину»... Потом родители отправили его в Лицей, а по сути, просто сбагрили. Сначала вообще хотели устроить его куда-нибудь в религиозное закрытое заведение, но подвернулся Лицей. И вот, представьте, двенадцатилетний мальчик, да еще такой непростой, остался в одиночестве. А ведь Лицей – не семья. Там были свои законы, правила, и они от домашних резко отличались. Главное, ребенок уже был волей-неволей самостоятельным и защищать должен был себя сам. Отсюда его занятия физическими упражнениями, тяга к фехтованию, вообще, он после лицея хотел идти в лейб-гусары, но из этого ничего не получилось. Потом начались великосветские кутежи в столице, всевозможные салоны. Это все была такая, как у нас любят говорить, «реакция на трудное

детство». А ведь он еще и работал при этом. И работал неистово. Писал, сочинял. В двадцатилетнем возрасте он уже был известен всей литературной России и едва за свои сочинения не угодил в Сибирь.

За него заступились и уговорили царя не наказывать строго. То есть уже и царь знал сочинения Пушкина. Его командировали на юг. На самом деле – выслали. Следили за ним. Потом отправили в Михайловское... Казалось бы, опальный сын возвратился к родителям, его бы успокоить, обогреть... Вместо этого – открытая вражда. Родной отец за ним следит, докладывает по инстанциям. Прочтите письмо Пушкина Жуковскому. Я более горького и отчаянного письма у Пушкина не читал. Его пишет несчастный человек... Он взывает к Жуковскому: «Спаси меня!» Решает написать письмо царю и просить,

чтобы тот перевел его в одну из крепостей. Представляете! Из родительского дома просит, чтобы перевели в тюрьму, там ему будет легче.

– И он в это время скрывался у Осиповой-Вульф, – вспомнил я рассказ В.Ф.Кашковой.

– Да, он искал спасения, искал тепла в этом семействе и, слава Богу, нашел. Представьте, в двадцатипятилетнем возрасте выслан в деревню, без всякой надежды на скорое возвращение, словом, пленник, узник, как хотите... И главное, очень одинок. Да, были друзья, были романы, увлечения, но, как сейчас модно говорить, «по большому счету» он был одинок. Перечитайте стихотворение «Зимний вечер».

*Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?..*

Режиссер задумался, и мы опять какое-то время шли молча.

Что есть одиночество? Только спроси – такого наговорят! Но еще прежде спросят: «В каком смысле?» У одиночества, как кажется, может быть смысл, и не один.

Можно ли назвать одиночеством состояние человека, не окруженного родными, друзьями, знакомыми, не обремененного обязательствами и ответственностью, не имеющего никакого дела, тем более призвания и таланта?

Назвать можно. Но одиночество, о котором говорим сейчас мы, совсем другое.

Можно ли признать одиноким человека, случайно попавшего на необитаемый остров?

Конечно. Он действительно одинок и несчастен. Но его одиночество вынужденное. Он с радостью избавится от него при первом же случае, которого ждет и на который надеется.

Одинок ли инок, стоящий на коленях перед иконами в келье?

Физически – да. На деле – он разговаривает с Богом и оттого, быть может, счастливее всех прочих, включая тех, кто привык служить Богу соборно. Значит, и здесь речь не об одиночестве, а, скорее, об уединении, состоянии радостном и желанном для всякой утонченной природы.

Когда заходит речь об одиночестве Пушкина, то видится нечто совсем иное. Это то самое одиночество, которое довелось испытать очень немногим, лишь призванным. Когда Блез Паскаль утверждал, что *Иисус одинок в этом мире*, он имел в виду именно такое

одинокчество. Это состояние изобразил Крамской в картине «Христос в пустыне». Кажется, вот одиночество: ты есть, а вокруг – пустыня! На самом деле одиночество как раз в обратном: не тогда, когда вокруг тебя пустыня, ты один и нет никого, а когда все есть, существуют, присутствуют, пируют, и даже рядом с тобою, но... ты сам как будто не существуешь для них. Ни для тех, кто рядом, ни для тех, кто далеко, ни для всех прочих. Ты не существуешь ни для кого! Ты есть лишь для себя – и только для себя творишь, мыслишь и плодами своих творений даже можешь потешать ближних. Но сам для них – не существуешь! В этом смысле одиночество – не отстраненность твоя от мира, а отстранение мира от тебя. Это состояние ужасное и в чем-то невыносимое, но оно может оказаться и счастливым, потому что позволяет открыто смотреть на окружающий мир, не страшись последствий сказанного или написанного. Это тот редкий шанс, когда призванный становится пророком и даже может судить мир! Тот самый мир, в который он явился, но который этого не заметил. Единственное, что может привлечь внимание к тебе, – твоя смерть. В этом смысле смерть призванного – величайшее благо, желанный и представимый для него миг: «*Совершилось!*» Можно сказать, что *смерть* для призванного есть настоящая *жизнь*, потому что со смертью приходит конец его одиночеству. Это и есть *воскресение!*

Когда я думаю об одиночестве Пушкина, мне видится запорошенная снегом по соломенную крышу небольшая избушка. К ней не подойти, не подъехать: темная ночь, мороз, метель, сугробы, все дороги заметены, да и где находится эта избушка – не знает никто. Но там, внутри, уютно, тихо, чисто и удивительно тепло. Горит огонь в печке, несколько свечей... Сидит в кресле поэт. Немного в стороне – дорогая его сердцу няня, Арина Родионовна. Чем-то занята, рукодельничает. Единственное живое существо, которое рядом. Пушкин одинок, и она здесь для того, чтобы свидетельствовать о его одиночестве: если бы не няня, через кого бы к нам обратился поэт?

В стихотворении «Зимний вечер» отражается состояние глубокого одиночества поэта. Это, быть может, самое грустное из всех пушкинских стихотворений. В нем сокрыто гораздо большее, чем может показаться на первый взгляд. Надо читать его шепотом, поздним вечером и обязательно в одиночестве.

*...Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.
Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя:
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.*

В таком одиночестве пребывал Пушкин до последних своих дней...

Но вот он на смертном одре, уходящий от нас навсегда. Ночь с 28 на 29 января. Умиравший Пушкин спрашивает Даля: «Кто у жены моей?» Даль отвечает ему: «Много добрых людей принимают в тебе участие. Зала и передняя полны с утра до ночи». – «Ну, спасибо».

Из письма Я.М.Неверова к Шевыреву от 28 января:

«Сегодня целый день перед домом Пушкина толпились пешеходы и разъезжали экипажи: весь город принимает живейшее участие в поэте, беспрестанно присылают со всех сторон осведомляться, что с ним делается...»

Пророк умирает... Заканчивается его одиночество.

Тем временем Режиссер продолжил рассказ:

– Вспомните, как Александр Сергеевич радовался приезду в Михайловское Пущина. Какие стихи родились от этого восторга:

*Мой первый друг, мой друг бесценный,
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил...*

– Выбежал к другу босиком, раздетый, обезумевший от счастья. Перечитайте об их встрече... Он взрослел и еще неосмысленно, призрачно, может, интуитивно, но уже ждал ту, которая могла бы вернуть ему тепло, которого он был лишен в детстве. Пушкин искал в

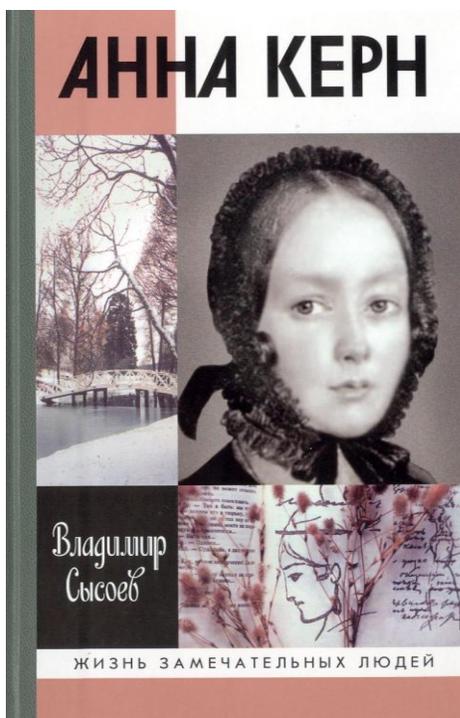
этом спасение, и, конечно, никто, кроме женщины, такого сделать для него не мог.

– Керн тоже тогда появилась.

– Да. Пушкин влюбился в нее и ревновал страшно. Сочинял ей удивительные письма, какие чувства открылись в нем! Он писал ей: *«Как поживает подагра вашего супруга? Надеюсь, у него был основательный припадок через день после вашего приезда. (Поделом ему!) Если бы вы знали, какое отвращение, смешанное с почтительностью, испытываю я к этому человеку! Божественная, ради Бога, постарайтесь, чтобы он играл в карты и у него сделался приступ, подагры, подагры! Это моя единственная надежда!..»* – пересказав это письмо Пушкина, Режиссер расхохотался до слез.

– Почему он испытывал к нему отвращение? – спросил я.

- Потому что это был муж женщины, в которую он влюбился.
- А почему «смешанное с почтительностью»?

– По той же причине... Вы думаете, такого не может быть? Он к ней отнесся очень серьезно. Ну а про известные стихи и говорить нечего: кто еще из женщин таких удостоился?..

Режиссер остановился, задумался, затем мы вновь, не спеша, двинулись вперед. Вот уже показались деревянные избы, а за ними старинная церковь и кладбище, на котором покоится А.П.Керн.

Режиссер, глядя на церковь, трижды перекрестился, поклонился, но, поскольку было уже темно и поздно, к самой могиле подходить не стали. Повернулись и пошли обратно.

– Но Анна Петровна Керн была еще *не та*, – предположил я.

– Нет. *Не та*... В 1828 году он написал стихотворение – «Предчувствие»:

*Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?*

*...Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Может быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз...*

– Надо внимательнее читать Пушкина, – серьезно произнес Режиссер. – Там у него все есть, все написано, только сумей услышать... Как раз в 1828 году он впервые увидел Наталью Николаевну Гончарову.

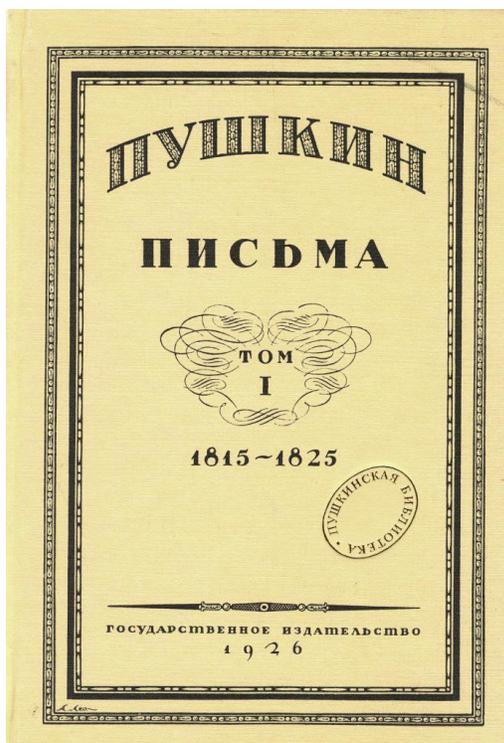
– Можно ли сказать, что Гончарова была та, которую Пушкин ждал? – спросил я, как мне казалось, всезнающего Режиссера.

– У меня нет ответа. Пушкин ее любил, боготворил, какие письма писал! Значит – *та*... Но она его не спасла, не уберегла – значит, *не та*... Кто тут может выступить судьей? Только Господь Бог! Первому поэту России нужна была очень красивая женщина, может быть, самая красивая. Наверное, для самоутверждения. Сам он красавцем не был и хорошо это знал. Но ведь красивые женщины у него были и до Натальи Николаевны. Значит, что-то еще ему нужно было. Совсем другое. Думаю, он надеялся, что эта женщина, в меру избалованная и хорошо воспитанная, станет той самой, единственной, которой он сможет доверить свою слабость, а она сможет защитить его от окружающего мира. Он надеялся, что она вырастет, от чего-то напускного избавится, поумнеет, верил, что все лучшее для нее – впереди, рядом с ним, с Пушкиным, сильным и могучим, бесстрашным и сумасбродным, готовым ко всему, к противостоянию и борьбе хоть со всем миром, но для нее – тем самым беззащитным, лишенным тепла и ласки одиноким ребенком, который в трудную минуту так стремится поскорее спрятаться в «бабушкину корзинку»...

Режиссер погрузился на некоторое время в раздумье, потом продолжил:

– Есть его письма к Наталье Николаевне, есть письма к друзьям и друзей к нему, сохранились воспоминания современников, многое есть, настоящее и придуманное, наконец, есть его творения. Но было и еще нечто такое, чего не выдумаешь, – и это как раз самое важное. Были их разговоры, их и только их тайна. О чем они, счастливые, могли говорить, оставаясь вдвоем, ночью? Как они смеялись, плакали, страдали, наверное, о чем-то мечтали, строили планы? Этого уже не дано знать. Никому! И слава Богу! Потому что это мир не для посторонних вроде нас с вами, как бы мы Пушкина ни любили. И вот этот тайный мир, даже не тайный, а потаенный пушкинский мир не дает нам права никого из них двоих обвинять. Мы можем винить только этот жестокий мир, имя которому – Россия,

в которой его, как Пушкин однажды в сердцах признался, «догадал чёрт родиться». Нам – на счастье, а ему – на беду. Но и Россию – как обвинять? Без неё, с её бедами и несчастиями, без её трагической истории, – не было бы Пушкина... А вы, простите, когда-нибудь любили? – вдруг спросил меня Режиссер.

– Как вам сказать?.. – оторопел я от неожиданного вопроса и задумался, спешно перебирая в голове всевозможные свои романы, пытаюсь ответить самому себе: который из них можно было бы назвать «любовью»?

Мой друг сразу это заметил, сочувственно улыбнулся и произнес:

– Все с вами ясно... Пушкина нельзя понять, если не знаешь, что такое любовь. Хоть наизусть всего выучи. Можешь стать даже «пушкинистом», а ничего в Пушкине не поймешь... Вот какой был господин, Александр Сергеевич!..

Какое-то время мы шли молча, затем Режиссер достал из кармана небольшой блокнот и попытался прочесть записанное, однако не смог из-за отсутствия очков, к тому же стемнело. Небо еще оставалось светлым, а здесь, у дороги, где густо росли деревья, были уже сумерки. Тогда Режиссер передал мне блокнот, и я смог прочесть:

«Как поэту – мне не нужен никто. Как женщине, т.е. существу смутному, мне нужна ясность, – и существу стихийному – мне нужна воля: воля другого к лучшей мне».

– Кто это написал? – спросил я.

– Марина Цветаева. Это из её дневников, недавно опубликованных.

Мало что уловив, я прочел цветаевскую запись еще и еще раз.

– Понимаете, – стал объяснять Режиссер, – она написала: *«мне нужна воля»*, затем уточнила – *«воля другого к лучшей мне»*. Такую

формулу нужно было найти, изложить. Сколько потерянных и несчастных судеб, из-за того что не смогли «открыть» её для себя, своей души, сердца, хотя, может, этот «другой» был совсем рядом. Цветаева формулу нашла. Для себя и вот теперь для других. Но, увы, не оказалось рядом с нею того, кто был сильнее, кто знал и ждал ее «лучшую»... Марина Ивановна, Марина Ивановна! Сколько же она этими несколькими строчками мне объяснила... Жаль, что только сейчас, под старость, я это понял... Где-то здесь скрывается ответ к вопросу: почему Наталья Николаевна могла предотвратить гибель Пушкина?.. Однажды на балу, в самом начале 1831

года, он доверительно сказал одной даме: *«Пора мне остепениться; ежели не сделает этого жена моя, то нечего уже ожидать от меня»*. Почему он так сказал? Ответ – у Цветаевой.

– Пушкин не нашел в Наталье то, что искал? Был этим разочарован?

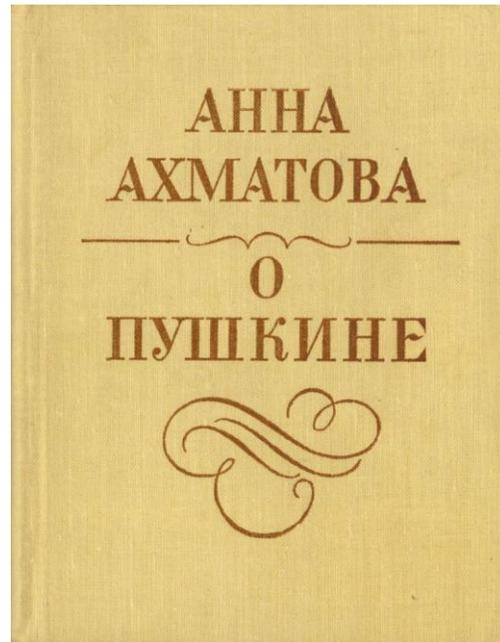
– Можно массу претензий предъявить Наталье Николаевне, что и происходит. Представить, что она капризна, легкомысленна, не поняла, с кем имеет дело, чьей женой стала, какую роль ей уготовила судьба и прочее. Особенно ей достается от женщин... Ну как относиться вот к такому: издатель пришел к Пушкину за рукописью и, как положено, принес за это деньги. Но Пушкин сказал, что рукопись у жены, а она денег брать не хочет... Идите, говорит, к ней сами. Издатель зашел к Наталье в комнату, и она ему довольно

жестко сказала, что рукописи тот не получит, пока не заплатит золотом, причем в два раза больше, чем ранее условились. Назначила срок и сказала, что, пока золота не получит, никакой рукописи не отдаст.

– А что Пушкин? Может, он ее подговорил, чтобы такой уловкой немного заработать? – выдвинул я довольно пошлую версию.

– Пушкин не был мелким... Они с издателем договорились, что тот сейчас Наталье заплатит, а потом Пушкин с ним рассчитается. Просто жене понадобилось новое бальное платье, а денег у Пушкина в то время не было. Как к этому отнестись?.. Я представляю, каково было Александру Сергеевичу. Он же не был, как мы сейчас говорим, бизнесменом. Пушкин вообще у нас первый, кто стал зарабатывать на хлеб писательским трудом. Но это же не бизнес. Просто лист бумаги и перо. У писателя больше ничего нет.

Это нелегкий труд, которому удача или поражение могут сопутствовать попеременно, но одиночество – почти всегда. О деньгах думать некогда. А Пушкину надо было добывать деньги, и большие: на содержание квартиры, экипажи, штат прислуги, наряды первой красавицы. Он залезал в долги, все это его терзало, не давало спокойно работать. А ему надо было писать, сочинять, мыслить... Это сейчас... кто там? Как его?.. – здесь мой бедный Режиссер тщетно силился вспомнить фамилию довольно известного политика, написавшего книжку и получившего за нее гонорар сто тысяч долларов. – А Пушкин, чтобы прокормить семью, должен был день и ночь трудиться. И все равно весь в долгах...

– А Наталье надо было еще кокетничать, танцевать на балах, кружить молодым людям головы, она ведь совсем была молодая, – присоединился я к критикам Натальи Гончаровой.

– Он думал: вот немного повзрослеет, остепенится, одумается, станет той самой... Время шло, а она не вырастала. Он от этого сходил с ума. Делал ошибки. Но и ее тоже понять можно: молодая женщина, а все время на сносях. Один, два, три, четыре... Это же не просто.

– Он ее этим сильно ограничивал, может, хотел таким образом привязать к себе? Есть ведь такой способ...

– Кто знает? Но он только еще больше разжег в ней опасения стать «птицей в клетке». Потом он вообще хотел в последнее время уехать в деревню и жить там. Он ведь творить мог только в состоянии душевного покоя.

– Опять в этот свой уголок.

– Да, он всерьез собирался расстаться с Петербургом и светом, который ненавидел. Он приехал в 1835 году в Тригорское, ужасно скучный, утомленный, и говорит: *«Господи, как тут у вас хорошо! А там-то, там-то, в Петербурге, какая тоска зачастую душист меня!»* Вообще, этот 35-й год... Осенью того года – а что значит для Пушкина осень! – он не мог творить. Это яму можно копать, или что-то переключивать с места на место, или какое-то занятие шумное, публичное найти, но сидеть в темной комнате, при свече, и творить, когда сердце разрывается, нельзя! Вот он и пишет Плетневу: *«такой бесплодной осени отроду мне не выдавалось. Пишу – через пень колоду валяю. Для вдохновения нужно сердечное спокойствие, а я совсем не спокоен»*. Так до самой смерти он и оставался неспокоен. Даже внешне изменился, и тому есть много свидетельств. Он писал Наталье Николаевне, тогда же из Тригорского: *«...вчера мне встретилась знакомая баба, которой не мог я не сказать, что она переменилась. А она мне: да и ты, мой кормилец, состарелся да и подурнел...»* Есть рисунок Бруни – «Пушкин в грубу»: лежит измученный старик...

– Я читал, будто у него даже волосы в последние месяцы жизни стали прямыми...

– Это правда. Пушкин уже ехал на дуэль, и на Дворцовой набережной встретила Наталья Николаевна. Она ехала в экипаже. Данзас ее узнал, и, как он потом писал, у него блеснула надежда: «А вдруг!»

– Значит, Данзас тоже понимал, что Наталья единственная, кто может предотвратить дуэль?

– Судя по всему, понимал. Но... Пушкин смотрел куда-то в другую сторону, а Гончарова была близорука и ничего не заметила. Она была близорука, это правда, но, когда назревает беда, не глаза, а какие-то другие чувства включаются... Не включились. И они разминулись... Мог что-то сделать Данзас или нет? Мог ли повести себя, как когда-то Пушкин, когда предотвратил дуэль? Не знаю...

– А царь? Он что-то знал?

– А что царь?! Мне гораздо интереснее Вревская (*опять тверская женщина! – авт.*), которой мог довериться Пушкин. Он встречался с нею накануне дуэли, и она оказалась единственной, с кем Пушкин мог тогда быть откровенным. Я думаю, что он ей рассказал тогда все, что только в нем наболело. Это было нечто очень страшное, потому что сама Вревская была в ужасе от услышанного. Но, опять же, «страшное» не по каким-то шокирующим фактам, а по глубине переживаний... Исследователи все ищут какие-то письма, прочие материализованные доказательства, а ведь это все из области совсем иной. «Страшное» было в глазах, в голосе, в душе, в сердце, а не в документах и источниках. Пушкин был одинок, беззащитен, отчаянно искал выхода из своего положения, и никто ему не помог.

– И таким выходом могла стать для него смерть?

– Жизнь его после дуэли должна была круто измениться. Он говорил за три дня – всего за три дня! – до смерти: «*Я только, что перебесился, я буду еще много работать*». Эта его фраза говорит о многом. Впереди оставался один барьер... Как оказалось, роковой. Бог дал его друзьям, близким еще двое суток. Перечитайте все, что им сказано за это время, что им прочувствовано, посмотрите, как он

себя вел, – это был уже другой Пушкин... Вот когда он умирал, тогда все кое-что стали понимать и увидели, что произошло на самом деле и кто уходит...

Мы уже подошли к территории санатория и вошли в «крутящуюся» калитку, и тут Режиссер медленно, несколько монотонно, низким голосом прочел:

*Зачем крутится ветер в овраге,
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,
На черный пень? Спроси его.
Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Гордись: таков и ты поэт,
И для тебя условий нет.*

*Исполнен мыслями златыми,
Непонимаемый никем,
Перед распутьями земными
Проходишь ты, уныл и нем.
С толпой не делишь ты ни гнева,
Ни нужд, ни хохота, ни рева,
Ни удивленья, ни труда.
Глупец кричит: куда? куда?
Дорога здесь. Но ты не слышишь,
Идешь, куда тебя влекут
Мечтанья тайные; твой труд
Тебе награда; им ты дышишь,
А плод его бросаешь ты
Толпе, рабыне суеты.*

Как всегда после прочтения стихов, Режиссер грустно улыбнулся, как будто закончил выступление на сцене. Я спросил, откуда это?

– Это все оттуда же, от Александра Сергеевича, – ответил Режиссер, и в тот же миг на нас закричали с балкона второго этажа разбуженные обитатели санатория. При этом честно предупредили, что, если тотчас не замолчим, бросят в нас чем-нибудь тяжелым.

– Вот вам, пожалуйста, – смеясь произнес Режиссер. – Уже пора спать. Всему свое время.

